

В. М. Истрин несколько усовершенствовал методику применения этого лексического критерия к определению места перевода памятника славяно-русской письменности.⁴⁴

Этот исследователь, оценивая статью А. И. Соболевского, писал: «Она имеет ценность сколько по материалу, столько же и по указанию пути, по которому должно идти решение трактуемого вопроса». Как указал В. М. Истрин, некоторые слова из отмеченных у А. И. Соболевского оказались и в памятниках южнославянских. Потому присутствие таких слов в том или ином памятнике, русское происхождение которого лишь заподозривается, не может иметь решающего значения без привлечения других доказательств.⁴⁵

Далее, рассматривая словарный состав древнего славяно-русского перевода Хроники Георгия Амартола, В. М. Истрин указывал: «...если мы встречаем в каком-либо памятнике ряд слов, которые должны быть признаны русскими, то мы не можем сомневаться в том, что они восходят к первооригиналу. Все дело, следовательно, в том, чтобы определить именно русское происхождение того или другого слова».⁴⁶

Общепризнанно катастрофическое для исследователей состояние русской и славянской исторической лексикологии. До наших дней, как и в годы, когда работал В. М. Истрин, приходится пользоваться почти исключительно словарями Миклошича и Срезневского, хотя их неполнота и несовершенство не вызывают сомнений. Как отмечал В. М. Истрин, оба словаря в отношении к помещенным в них лексическим материалам дополняют друг друга. У Миклошича преобладают памятники собственно старославянские и южнославянские, у Срезневского в одинаковой степени использованы как старославянские, переписанные в России, так и памятники собственно русские. «Поэтому, — читаем мы в книге В. М. Истрина, — если, например, какое-либо слово у Миклошича не встречается, а у Срезневского отмечено лишь в памятниках русских, то, хотя безусловного и абсолютного вывода отсюда сделать еще нельзя, однако на это обстоятельство всегда следует обращать внимание: в нем можно видеть одно из побуждений для дальнейших изысканий».⁴⁷

Со своей стороны мы имеем возможность к этому добавить еще некоторые соображения. Ведь и наличие того или иного слова в словаре Миклошича тоже само по себе еще не дает основания считать данное слово непременно старославянским, а не восточнославянским. Во-первых, Миклошич привлекал не только в собственном смысле старославянские, но и русские лексические материалы через записи А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева и др. Во-вторых, в числе южнославянских письменных памятников, использованных Миклошичем, мы встречаем и такие, как «Пролог», «Кормчая» и подобные рукописи, переписывавшиеся в южнославянских областях в XII—начале XIII в. с русских оригиналов, а благодаря этому сохранявших восточнославянские лексические черты, внедрявшиеся в письменный язык болгар и сербов.⁴⁸

Таким образом, вопрос о южнославянском или исключительно восточнославянском происхождении того или иного слова в письменном памят-

⁴⁴ В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола о древнем славяно-русском переводе, т. II. Пгр., 1922.

⁴⁵ Там же, стр. 271—272.

⁴⁶ Там же, стр. 295.

⁴⁷ Там же, стр. 296.

⁴⁸ См. в связи с этим: М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур. Русские памятники письменности на Юге славянства. — В кн.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. Учпедгиз, М., 1960, стр. 7—55.